

ЛУЛИ ТАН ЦУ

ТЫ МОЯ
ОТКРОВЕННОСТЬ

Лули Тан

Ты моя откровенность

<https://litres.ru/74227218>

Аннотация

Шорт-лист конкурса Литнет и журнала Psychologies – «Эротика в большом городе». Жизнь Ани резко меняется, когда ее начинает преследовать то ли сталкер, то ли маньяк. Она пытается выяснить кто скрывается за маской, но безуспешно. Полиция не может ей помочь, но куда страшнее, что ей это начинает нравиться.

Она посещает психотерапевта, в надежде на нормальную жизнь. Но тот играет не по правилам и это только окончательно все запутывает.

Непростая история о глубинах человеческой психики, сложных взаимоотношениях, тайных желаниях и, конечно, о любви.

✓#ХЭ ✓#Эмоционально ✓#Развитие характеров ✓#Горячо!

Содержание

Глава 1. Люди и маски	4
Глава 2. Послание	7
Глава 3. Привычные упрёки	14
Глава 4. Странное задание	23
Глава 5. Наблюдение	31
Глава 6. Сеанс	37
Глава 7. Вскорнуть душу	44
Глава 8. Кто кого преследует	49
Глава 9. Когда семья это те, кто с тобой заодно	54
Глава 10. Правильный мальчик	58
Глава 11. Неправильные чувства	65
Глава 12. Подарок Тени	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1. Люди и маски

Полутьма элитного клуба. Я выхожу на сцену. Потолок клуба теряется где-то в вышине. Три этажа, у перил люди. Витые лестницы спускаются к грандиозному танцполу, на лестницах тоже люди. На танцполе, за барной стойкой чуть дальше от танцпола толпа. Все они хотят видеть меня. Звучит медленная музыка, и я выхожу на сцену.

Я танцую у пилона, снимая детали одежды. Да, трюки на шесте сами по себе хороши, но и это не главное. Это всего лишь техника. Раздвинуть ноги, крутиться, лететь на шесте – ерунда. Можно вообще ничего из этого не делать. Важно, какую историю ты рассказываешь этими движениями. Каждый раз танцем я рассказываю историю о любви, о страсти, о свободе, о разрыве, о боли в зависимости от песни, но главное, о свободе от масок. Живите ярко!

Ведь я не стриптизерша. Я просто девушка, которая хотела испытать максимальную степень свободы от масок, которые обычно носят люди. Я ненавижу ложь перед самой собой, ложь, которой обмениваются другие в общении друг с другом, ложь, когда люди скрывают от себя прежде всего свои желания, свои обиды, страхи и радость. Люди не живут и вполтину.

Я выхожу в клуб. Ко мне никто никогда не подходит. Ни знакомиться, ни приставать. Потому что они знают, не умом,

инстинктом, что я не про секс. И танец мой хоть и скрывается под эротичными движениями, но тоже не про секс. Они смотрят с восхищением, они выкрикивают слова благодарности. Порой девушки говорят вслед: «Ты лучшая».

Стою несколько минут у черного входа клуба. Рядом люди. Один из мужчин подходит ближе. Надо же, какой смелый. Красивый, высокий, даже можно сказать изящный. Не глядя на меня, он говорит:

«Хочу выразить восхищение. Я прихожу посмотреть на тебя. Но не на тело. Хотя оно и прекрасно. Ты создаешь мимолетное произведение искусства там, на сцене. И делаешь что-то такое не с телом, а с душой, чего я объяснить не могу. Ты нереальная»

Я улыбаюсь. Это приятно. Пока мужчина говорит, мои глаза блуждают по улице.

Я натыкаюсь на пристальный суровый взгляд незнакомца. Я не вижу его лица в темноте. Он стоит на углу. Но вижу, как он смотрит. И меня это пугает.

Мужчина, который только что восхищался мной, не дождавшись от меня ответа, пожимает плечами и идет обратно в клуб. А этот смотрит, смотрит, смотрит. От него исходит опасность. По телу бегут мурашки. Но я не могу отвести взгляд от него.

Он делает шаг из темноты. Я вижу резкое, словно рубленое лицо, не лишенное брутальной мужской привлекательности, но с какой-то дьявольщиной в глазах. Наверное, так

падают тени.

Я покрываюсь холодным липким потом, сама не понимая откуда этот почти панический страх. Наверное, все из-за этого взгляда. Он смотрит на меня так, будто я ему принадлежу. Словно я сбежавшая от него пленница, которую он случайно встретил в толпе и теперь только ждет, когда станет не так многолюдно, чтобы вернуть то, что ему принадлежит по праву.

Глава 2. Послание

– Пойдите, – кричу я в спину уходящему.

Он оборачивается, все-таки в нем какая-то аристократичность, даже в движениях, я бегу к нему.

– Простите, вы могли бы отвезти меня домой? Кажется, я ногу подвернула.

Мужчина улыбается, у него добрые глаза, и это такой контраст с теми жуткими глазами в темноте. Я даже схватилась за его руку, не отдавая себе в этом отчета. Лишь бы он не ушел.

– Я польщен. С удовольствием подвезу вас.

– Просто вызовите такси, – шепчу я ему. – И подождите со мной, пока не приедет машина.

Он придерживает мою руку, вызывает такси и выводит меня на освещенный участок улицы через арку. Там уже толпа у основного входа в клуб, там тусуются посетители клуба, там огни и безопасность.

– Кирилл, – представляется мой спутник. Ему приходится наклониться ко мне, потому что я непонимающе смотрю на него – не слышу. У него приятный парфюм – острая свежесть. Нестандартные запахи – мой фетиш. И я на мгновение закрываю глаза, проникаясь этим ароматом.

– Аня, – представляюсь я в ответ.

– Я знаю, – он обезоруживающе улыбается.

Он достает телефон, запускает приложение и вызывает такси. В этот же момент его телефон оживает входящим звонком.

– Простите, нужно ответить, пару минут, я сейчас, – говорит он извиняющимся тоном, отходит в сторонку и отвечает на звонок, стоя ко мне спиной.

Я чувствую, что за моей спиной кто-то стоит. Здесь много людей, но тем не менее – слишком близко, я буквально чувствую дыхание этого человека.

Ноги становятся ватными, сердце проваливается в солнечное сплетение и замирает там. Слишком необычное ощущение, я всем телом на инстинктивном уровне чувствую опасность.

Я хочу обернуться, но почему-то боюсь то, что могу увидеть. Все же я поворачиваюсь, и в этот момент чувствую крепкую хватку на талии, не дающую мне обернуться. Мне хочется вскрикнуть, но крик застревает в горле, я будто впадаю в ступор, сама не понимая, что происходит со мной и с моим телом.

Я почти уверена, что это тот незнакомец с рубленными чертами лица, которого я только что видела на другой стороне улицы.

Я тяжело дышу. Время замирает, оно течет мучительно медленно. Мне ничего не стоит пройти два шага и оказаться рядом с Кириллом, или хотя бы крикнуть. Но я ничего и не делаю. Как парализованная.

Он перебирает мои волосы. Я чувствую будто легкий сквозняк и понимаю, что сзади уже никого нет. Кирилл оборачивается и подходит ко мне.

– Извини, надо было ответить. Ты уверена, что не хочешь, чтобы я тебя довез до дома. Мне кажется, тебя что-то напугало. Я был бы только рад. Без твоих выступлений здесь делать все равно нечего.

– Да, пожалуй, если не затруднит, – соглашаюсь я без всяких сомнений, а сама оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти взглядом, того, кто так меня напугал.

– Все хорошо? – спрашивает Кирилл.

– Если честно, я не очень хорошо себя чувствую.

– Позвольте, – он подставляет локоть и берет меня под руку.

Мне становится немного легче. Рядом с Кириллом я чувствую себя в безопасности. Он высокий, широкоплечий, крепкое молодое тело двадцатипятилетнего мужчины. Он держится более, чем уверенно.

– Я отменю такси, если вы не против.

– Можно на ты, Кирилл.

– Если ты не против.

Я улыбаюсь и киваю в ответ.

Мы заходим за угол. Он достает из кармана брелок сигнализации. Одна из припаркованных машин подает сигнал и подмигивает нам поворотниками. Кирилл открывает передо мной дверь, я сажусь на пассажирское сиденье.

В салоне приятно пахнет кожей и деревом с легкой нотой парфюма Кирилла. Сиденье настолько комфортное, что кажется будто сижу в чьих-то нежных объятьях.

Я бросаю взгляд на рулевое колесо, чтобы понять, что за машина такая. Снаружи я не поняла. В центре рулевого колеса красуется блестящий ягуар в прыжке. Вкус у Кирилла отменный, успеваю я отметить прежде, чем он занимает водительское место.

Кирилл немного опускает оба боковых стекла. Мне кажется, я чувствую какое-то движение справа от нас в темноте, но ничего не могу рассмотреть. Снова меня завлакивает липким мучительным страхом.

– Кирилл, поехали отсюда поскорее, пожалуйста, – прошу я чуть ли не с мольбой.

И прежде, чем машина трогается с места, я слышу низкий с хрипотцой смех из темноты.

Меня бросает в дрожь. Будто это даже не человек смеялся, а сама темнота. Машина трогается с места, и я с облегчением выдыхаю.

Мы не говорим по дороге, Кирилл не просит меня номер телефона. Не пытается балагурить, рассмешить или показать себя во все красе.

Он внимателен к моему состоянию, Кирилл видит, что я чем-то напугана, видит, что мне не хорошо и делает сейчас именно то, что может сделать чуткий и внимательный мужчина – дарит мне чувство покоя и безопасности, без лишних

слов и условностей. За что я ему безмерно благодарна.

Я выхожу у дома. Кирилл тоже выходит из машины, но не подходит ко мне, стоит облокотившись на открытую дверь. Я было подумал, что вот сейчас он все испортит. Сделает глупость, попробует напроситься в гости или еще что-нибудь в этом роде.

– Я только прослежу, чтобы ты без приключений дошла до подъезда, – он улыбается своей белоснежной обезоруживающей улыбкой. – У тебя окна на эту сторону выходят?

– Да, – отвечаю я.

– Тогда одна просьба, когда поднимешься к себе, махни в окошко, чтобы я знал, что все в порядке, и не беспокоился.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Делаю шаг, но оборачиваюсь и подхожу к нему. Целую его в щеку, аккуратно и без лишней нежности, чтобы он правильно расценил этот ход.

– Спасибо большое.

И он все интерпретирует правильно. Я даже успеваю удивиться тому, насколько он правильно ведет. Наверное, вот, что называют джентельменским поведением.

Я думала, джентльмены давно уже вымерли, как мамонты. Но мир умеет удивить.

Перед тем, как зайти в подъезд я слышу:

– Аня, постой, – Кирилл подходит ко мне. – Вбей в телефон мой номер, просто на всякий случай. Если тебе что-нибудь понадобится, звони в любое время.

Он видит, что я в сомнениях и раздумываю.

– Просто мне так будет спокойнее.

Кирилл смотрит открыто, я не вижу в его взгляде какого-то умысла или попытки меня склеить.

– Диктуй.

Я вбиваю его номер и открываю дверь подъезда.

Поднимаюсь к себе. Скидываю туфли, включаю на кухне свет, чтобы Кирилл меня видел и, не снимая плаща, подхожу к окну. Машу ему, он кивает и садится за руль. Я провожаю взглядом его машину, иду к себе в комнату и снова чувствую липкий, почти потусторонний страх.

Это как бояться темноты, что-то необъяснимое и иррациональное, но с чем совершенно невозможно справиться.

Я сую руку в карман плаща и нащупываю какой-то листок. По спине разбегаются мурашки. Его точно здесь не было, по крайней мере я в карман ничего не клала. Мучительно сглатываю комок, застрявший в горле, и достаю из кармана конверт, перевязанный черной атласной лентой.

Трясущимися руками достаю из конверта листок и чувствую знакомый и пугающий аромат. Машинально подношу листок к носу. Точно, тот самый запах. Дрожащими руками разворачиваю листок:

«Ты танцуешь свободу. Ты творишь искусство, я знаю о тебе больше, чем ты сама о себе знаешь. Я расскажу тебе об этом, но для этого не потребуются слова».

В два шага я подхожу к окну в комнате и отдергиваю што-

ры. Он стоит на другой стороне улицы в пятне света от фонаря, не прячась и не скрываясь.

Я пытаюсь разглядеть и запомнить его лицо, но это похоже на то, как пытаешься что-то запомнить из сна, когда просыпаешься. Вроде бы образ еще держится в памяти, но с каждой секундой становится расплывчатым и вот уже через мгновение, совершенно невозможно воспроизвести в памяти увиденное.

Я задерживаю шторы, опускаюсь на пол, обхватываю колени руками и думаю только об одном: «Кто ты? Что тебе от меня нужно?» Я еще раз перечитываю его послание и чувствую одновременно и страх, и любопытство. Если он способен так глубоко оценить мой танец, если он видит именно то, что я в него вкладываю, это что-то да значит.

«Да кто ты, черт тебя побери такой?» – раздражаюсь я то ли на него, то ли на себя за то, что мне становится интересной эта игра.

Глава 3. Привычные упреки

Мне пришлось пробраться на цыпочках в свою комнату, чтобы не разбудить бабулю. Она у меня мировая, но вот сон у нее – не очень. А мне важно, чтобы она крепко спала. Здоровье все хуже, и от этого мне жутко тревожно. Никого ближе бабули у меня нет.

К счастью, не разбудила.

На следующее утро, когда я вышла на кухню на запах свежесваренного кофе, чмокнула бабулю в сухую морщинистую щеку, она сказала:

– Аня, садись, разговор хочу разговаривать.

– Прямо с утра?

– Время на исходе, мне уже некогда откладывать, все надо делать сразу в эту же секунду.

С этим не поспоришь, я налила кофе и приготовилась слушать.

– Твой стриптиз – дело неблагородное, – начала бабуля. Я вздохнула. А она продолжила. – Ты хоть и даришь людям освобождение и чего-то там про искусство, но это как Робин Гуд, сколько бы прекрасными мотивами не прикрывал свое воровское дело, он вор и воров и остался. Так и ты.

Нет, ну надо же, и Робин Гуду досталось. Для всех он герой, а бабуля у меня ко всему с эдаким оригинальным мнением подходит. Ох, чую, выдумает она что-то с подковыркой

про мои танцы.

Бабуля продолжает:

– Со всем прекрасным и добрым, что в тебе есть, ты всего лишь играешь с низменной природой человека. И добром это не кончится. К тому же у низменной природы есть срок. И это срок годности красоты и свежести молодости. Не спорь, – она подняла высохшую узловатую ладонь, не давая мне возразить.

Я и не стала. Взяла ее ладошку и поцеловала.

– Бабуль. Я ведь знаю, что это ненадолго. Не собираюсь я всю жизнь раздеваться перед толпой. Ты же знаешь, не в этом мои интересы и моя цель.

– Послушай меня, танцуля. Ты рано или поздно наткнешься на мужчину, который захочет тебя «спасти», – бабуля показала пальцами кавычки. – Он будет богат и вытащит тебя из ночной Москвы в свет дня, потому что ты красива особой красотой. Только всю жизнь он будет помнить, откуда он тебя взял, а его друзья, которые вместе с ним шатались по ночной Москве, будут смотреть на тебя жадными глазами, истекать слюнями и тоже помнить, кто ты и откуда. И рано или поздно все это превратится в катастрофу. А потом он заберет у тебя эту квартиру и выгонит тебя обратно к матери с отчимом на Дальний Восток.

– Я не стану встречаться с таким отвратным типом, он мне уже не нравится. Заочно, – улыбнулась я и протянула руку к булочке с сахаром. Бабуля заказывает их утром из ближай-

шей пекарни, свеженькими с пылу с жару. Бабуля шлепнула меня по руке.

– Хватит, Аня! Заканчивай с этим.

– С булочкой? Я даже не надкусила?

– Не ерничай. Обещай мне, что поставишь точку.

Бабуля разнервничалась. Это нехорошо. Я вздохнула, который раз за этот разговор, и как можно спокойно постаралась сказать:

– Ты знаешь, я не стану тебя обманывать, я ненавижу маски и ложь. Не стану скрывать что-то и обещать то, что выполнить не могу. Но я могу точно сказать, я не делаю ничего плохого. Мы же сто раз говорили обо этом. Я всего лишь хочу жить в полную силу чувств, не обманывая ни себя, ни других. Ни в чем!

Бабуля закатила глаза. Это было смешно, она все делает с эдаким актерским преувеличением, у нее даже жесты вычурные. Но я уже вошла в раж на любимую тему и меня понесло.

– Я не хочу пойти на работу, которая станет рутиной, а мне ради ипотеки, детей, стабильности в жизни придется обманывать себя каждый день, натягивая рабочую улыбку, чтобы с ложью прожить еще один рабочий день. Это моя жизнь, она у меня одна.

– Тебе достанется моя квартира, какая еще ипотека, дурья твоя башка, – ворчит бабуля.

Но я несусь дальше, что вы хотите, мне двадцать лет, у

меня философия свободы, ветер в лопатках, я счастлива. Я говорю:

– Посмотри на них, они идут толпой в метро, они стоят толпой в пробках, они ненавидят друг друга, потому что их повсюду так много – люди! Они улыбаются из вежливости и тем самым лгут. Но Москва требует силы искренности. Все, кто без силы – толпа. Я же танцем властвую над толпой, потому что абсолютно искренна в момент танца.

Бабуля вдруг тяжело задышала, приложила морщинистую ладошку к сердцу.

– Что-то мне нехорошо, отведи меня в постель.

Я всполошилась, помогла ей встать, уложила в постель, схватила телефон, чтобы вызвать скорую. Но бабуля цапнула меня за руку и притянула к себе. Пахла моя бабушка Шанелью. Всю жизнь одни духи, ими она пропиталась насквозь, и у меня на глазах выступили слезы. Если что с бабушкой вдруг... она останется для меня во флакончике ее Шанель. Бабушка прошептала:

– Обещай мне...

– Так нечестно, я не могу. Но обещаю когда-нибудь это закончится, точно.

Я вытираю слезы.

Тут бабуля села на постели и сказала капризно:

– Ну ничем тебя не пробьешь. Хоть бы умирающей старушке пообещала. Ты со своей честностью далеко не уедешь. Нормальные люди лгут хотя бы пару раз в день для профи-

лактики сердечно-сосудистых. Ни один нормальный человек эту честность не вынесет. Тьфу на тебя.

Бабуля резво соскочила с постели и пошла поливать цветы. У нее целая оранжерея вместо балкона. Идет и ворчит:

– Такая милая, солнечная девочка, танцуля моя, и такая дурила.

Я села на пол у ее постели. Вот же блин, комедиантка.

Впрочем, долго рассиживаться было некогда. Сегодня у меня после обеда кастинг в одном закрытом клубе. Надо подготовиться.

После обеда я выхожу в Москву. Я люблю ночную, полную огней, таинства, обещаний, она меня растворяет в себе, а я словно рыба в океане города.

Дневная Москва – деловитая, торопливая и постоянно будто немного чем-то рассержена. Больше похожа не на ночной океан, исполненный спокойной могучей силы, а на быструю горную реку, где может кого угодно разбить о пороги.

И хоть такое ее настроение мне не по душе, я слишком хорошо знаю город и знаю какими улицами ходить, в какое время лучше передвигаться, чтобы не увлекло течением.

И я понеслась куда-то со всеми остальными, забывая в этой гонке, что над нами огромное синее небо смотри вниз и не может понять, почему люди никак не могут остановиться.

Бабулина квартира в центре Москвы, в историческом районе среди домов-музеев, на втором этаже особнячка в тихом дворе. Этой квартирой бабуля дорожит словно это сокрови-

ще. Но это и правда сокровище.

Прохожу наш тихий дворик, выхожу через арку на проезжую часть, и еще минут десять до Нового Арбата по красивому нашему проулочку. Новый Арбат встречает шумом машин, бьющим в глаза солнцем, простором. У меня на мгновение перехватывает дыхание, и я вливаюсь в общий поток.

Элитный клуб, куда меня пригласили, место загадочное и неплохо припрятанное за фасадом ресторана. Охрана невозмутима. Ведут вниз по красным, кажущимся бархатными ступеням. Стены, естественно, черные с золотыми багетами и канделябрами. Я закатываю глаза: «Какие вы все одинаковые в своих фантазиях, мальчики».

Видимо, у очередного богатенького крутыша возникла «оригинальная идея» – открыть стрип-клуб, где он будет зависать с друзьями. Ну и зажигать, конечно. В общем, мне уже не нравится. Слишком плоско и ожидаемо.

– А вот и наша звезда! – жеманничая, кричит какой-то мужик. Худые ноги, штанишки в обтяжку, глаза подведены. Видимо, арт-директор. Креатив бьет ключом, ха.

Я осматриваюсь. Полумрак, красный бархат, позолота мерцает в приглушенном свете. Вдоль стен углубленные ниши-сценки, на этих мини-сценах шесты. Таких сцен вдоль одной только стены штук пять.

Напротив бар. Возле бара сцена побольше, но она невысокая. Так что клиенты, если им взбредет в голову, смогут трогать девочек на шестах. Впрочем, как и тех, что будут кру-

титься одновременно вдоль стены.

За столиком в зале сидят три типа мажористого вида, видимо, те самые, которым пришла в голову открыть эту зажигательную пошлятину. Они прямо в предвкушении, им обещали кастинг.

– О, ты не смотри, дорогуша, на этот зал, – воркует арт-директор, приобнимая меня за талию. – У тебя особые номера. Мы ведь знаем, кого к себе переманиваем. На тебя особый запрос, и платить мы будет существенно больше, чем где бы то ни было.

Я ловко высвобождаюсь из его рук.

– Какие условия? – спрашиваю я.

– Сначала кастинг, потом обсудим. Если директора будут довольны.

– Сначала условия. Быть может, они мне не подойдут.

Один из мажоров встает из-за стола и идет к нам.

– Вот зря ты мельтешишь, – шепчет мне уже совершенно нормальным, не жеманным голосом арт-полудурок. – Это серьезные люди, серьезная контора.

Я улыбаюсь.

Мажор подходит к нам, хлопает арт-директора по плечу, от чего того передергивает, и говорит.

– Время – деньги, – осматривает меня с головы до ноги.

– Кастинг пора начинать.

– Я еще не услышала условий сотрудничества, – резко говорю я.

– Чего? – он ухмыляется, будто я что-то нелепое сморозила. – Тебя в клуб позвали, мы вот-вот запуск сделаем, это самый крутой клубешник будет во всей Москве. Сюда будут прорываться випы. А ты, жоповертка, условия вымучиваешь? – мажор обращается к арт-директору, – ты ей сумму не озвучил, что ли, не понял? Ты ей сказал, что она только с випами будет приват танцевать?

– Еще не успел, – лепечет арт-директор.

– Не в деньгах дело, – отвечаю я. – И приват я не танцую.

– Вы не поняли, – встревает арт-директор, – тут все без-опасно для девочек. Камера стоит, если клиент руки потянет, охрана его выведет. У нас приличное заведение, не проституция. За такое выгонят девушек.

– Я приват не танцую, – стою на своем я.

– Чего? – опять бычит мажор. – Ты чего о себе возомнила, кобыла? Тебе сиськами трясти и жопой вилять надо, большего не требуется. Тебе условия шикарные подогнали, а ты. Давай кастинг.

– Ты меня выбрал? – я подхожу вплотную к мажору. – Ты хотел, чтобы я танцевала в этом клубе?

– Ну я. Увидел тебя в «Коре». Народ западает на тебя.

– Ты не знаешь, почему западает народ. Сам вряд ли понял.

– Ну че, фигура у тебя классная, сиськи вообще отпад.

– Ты дурак, абсолютно тупой, заведение у тебя такое же, как миллионы однодневок, которых я навидалась в разных

закоулках Москвы. Денег только много. Мне тут не нравится, условия не подходят. Ясно?

– Ты охренела, что ли? – замахивается он на меня.

Глава 4. Странное задание

Я стою, глядя прямо ему в глаза:

– Ну, давай, покажи какой ты могучий мужчина, дай мне повод считать, что я права и ты именно то, что я о тебе думаю.

Он опускает руку. Нервно смеется, делая вид, что и не собирался ударить.

– Да, сдалась ты, шлюха. Пошла вон!

Мужчинко. Говорят, деньги – это власть. Но стоит быть откровенными, это не власть, а зачастую оправдание убожества. Не умный, зато богатый, не красивый, зато богатый, не талантливый, зато богатый, не имеешь в голове идей по развитию общества и вложению в производство – зато богатый.

Нет, богатых куда чаще я видела именно тупыми, самодовольными, напыщенными полудурками. Эти в клубе – типичный пример.

По моему мнению, богатство достигается умом, талантом или жестким трудом. Но примеров этого утверждения я не встречала. Быть может, такие люди попросту не тусуются по ночам и не смотрят на оголяющихся девиц. А может, они из сказок про принцев вообще. Плевать я хотела на деньги. Свободу не купишь, она внутри.

Я развернулась и пошла к выходу. Вслед мне неслись маты.

Вышла на воздух, на солнце. После темной дыры пафосного клуба дышать – не надышаться.

Вот за такое убожество я не люблю эту сферу. Это унижает, заставляет ощутить себя грязной. А вся моя философия про свободу снять с себя маски, лживые оболочки, чувствовать момент, вдохновлять других на свободу души, кажется всего лишь иллюзией. В эти моменты я понимаю беспокойство бабушки.

Пройдет.

Я иду по шумному Новому Арбату. Москва меня лечит. Она вызывает к твоему потенциалу, к твоей силе. Вот она я, – вздергиваю подбородок, расправляю плечи. На Новом Арбате всегда стоит такой гул от пролетающих мимо машин, словно это не улица, а взлетная полоса аэродрома. Вдали сверкают в лучах солнца башни Москва-Сити. Отсюда они кажутся нереальными, будто там вдали открылся какой-то портал из другого измерения и там виднеется другая Москва, сотканная из стекла и бетона, устеленная зеркалами, чтобы город мог отражаться в них и любоваться самим собой.

По тротуарам проносятся электросамокаты. На некоторых едут по двое молодые парочки, возможно, еще не знающие, что сейчас у них один из самых романтических моментов в жизни.

То здесь, то там снуют между прохожими цветастые рюкзаки курьеров служб доставки. Город живет, вдыхает жар разгоревшегося лета и прячет в тених свои секреты, тайны и

легенды, о которых можно узнать, только когда сядет солнце, звуки станут глуше, а тени расползутся и поглотят весь город целиком.

Я улыбаюсь этой мысли. Время теней – это мое время, я сама в какой-то мере одна из легенд этого города, только в тенях я не скрываюсь, я раскрываюсь в них. А прячусь я в свете дня. Яркий солнечный свет для меня самый лучший покров.

Я сворачиваю направо в Борисоглебский переулок, и тут же шум Нового Арбата стихает, словно здесь есть невидимая прозрачная стена, через которую не может пробиться городская суета.

Здесь совсем другая Москва. Тихая, уютная, низкая, и я удивляюсь, как может одно соседствовать с другим в этом городе. Один шаг из переулка, и я попадаю в бурлящий мегаполис, один шаг обратно, и я оказываюсь в сказочной Москве, пропитанной стариной, пасторалью и уютом.

Мой дом во одном из дворов Поварской улицы. Очень тихий, зеленый и тенистый двор. Со всех сторон окружен домами, похоже на оазис, где время замерло и где легко можно забыть, что в полную силу бушует двадцать первый век.

Чтобы попасть во двор, нужно нырнуть в темную арку у тринадцатого дома с розовым, давно не обновлявшемся фасадом.

Я перехожу на другую сторону, погруженная в свои мысли, и только когда делаю шаг в арку, чувствую, что за мной

кто-то идет. Холодок пробегает по спине, я хочу обернуться, но чувствую, как сзади меня крепко хватают, прижимая мою руки и разворачивают к стене.

От страха я не могу ни крикнуть, ни пошевелиться, меня будто парализовало.

– Не бойся, Аня, – слышу я над самым ухом уже знакомый глубокий голос с легкой хрипотцой. – Кричать не нужно. Я ничего тебе не сделаю.

Я чувствую его дыхание на шее, слышу, как он шумно дышит, и ноги становятся ватными от сковывающего меня ужаса. Я боюсь пошевелиться. «Что, если у него нож и стоит мне только дернуться или крикнуть и все – это конец», – несется в голове.

– Отпустите меня, пожалуйста, что вам от меня нужно? – нахожу я, наконец, в себе силы хоть что-то сказать.

Мои глаза накрывает мягкая полоска ткани. Он слегка затягивает ее на затылке.

Он ведет по моей руке от плеча вниз по руке, сжимает в своем кулаке мою ладонь. Я нервно дергаюсь.

– Не бойся. Я не причиню тебе вреда и не сделаю ничего, чего ты не захочешь, – его голос лишен намеренной таинственности. Он говорит так просто, без пафоса, будто мы с ним общаемся за чашкой чая. И это подкупает, тут же спадает напряжение. Потому что он искренен. Он говорит: – Я лишь хочу понять, кто ты, в чем твоя неповторимость. Потому что таких, как ты, больше нет. Главный вопрос – настоя-

щая ли ты?

– Я... я не хочу того, что происходит сейчас, но вы делаете, – шепчу я неуверенно. Во мне нет страха, что вообще-то ненормально. Мне спокойно. Мне хочется продолжения этого странного разговора.

– Я говорю о том, что ты хочешь или не хочешь на самом деле, – говорит он, прижимая меня к себе – нежно, бережно.

– Я знаю, чего я хочу, я настоящая. Не понимаю, о чем вы.

– Тебе и не нужно понимать. Я обещал показать тебе тебя, эта повязка на твоих глазах – мой подарок. Используй ее, когда будешь танцевать в следующий раз, и ты кое-что о себе узнаешь.

– Что я узнаю?

– Что такое настоящая откровенность.

Он отпускает мои руки, но я все еще боюсь пошевелиться. Проходит минута-другая, и я каким-то внутренним чутьем понимаю, что он ушел. Аккуратно стягиваю повязку с глаз, медленно оборачиваюсь.

Никого нет. На асфальте лежит красная бархатная коробка. Я поднимаю ее, открываю и вижу украшение – цепочка, как будто из белого матового золота, она неравномерно усеяна необработанными камнями – рубинами, белыми и синими сапфирами с вкраплениями изумрудной крошки. Это так красиво и невесомо, что я все смотрю и смотрю на нее, не в силах оторваться.

Здесь же лежит ключ и записка. «Поиграй со мной. Этот

ключ открывает дверь, за которой ты найдешь себя. Тебе нужно поставить три танца, назовем их: откровенность, свобода и близость. Если у тебя получится, я дам тебе адрес, где ты найдешь дверь, которую открывает этот ключ.

Для первого танца «Откровенность» используй повязку. Иначе никакой откровенности не получится. Украшение – мой подарок. Оно не настолько красиво, насколько красива ты, но я надеюсь, что тебе понравится. Я не покупаю тебя, и ты можешь от всего отказаться, но ты не узнаешь грани подлинной свободы».

Я судорожно запикиваю записку обратно в коробку, кладу в сумочку, снимаю повязку и тоже отправляю в сумочку. Мне хочется бросить все это под ноги, меня пугает то, что он так много понял обо мне, что он говорит обо мне то, что я говорю о себе, и то, что я его не боялась. А должна была!

Да, бросить все это. Я нерешительно сжимаю сумку. Но я опасаясь, что он сейчас наблюдает за мной, и я не хочу его провоцировать. Черт его знает, что у этого ненормального в голове. Оглядываюсь, будто воровка, и почти бегом спешу к своему дому. Мне хочется поскорее спрятаться. Только сейчас я осознаю весь ужас ситуации и наконец чувствую страх.

Я взбегаю по лестнице, пытаюсь вставить ключ в дверной замок. Меня всю колотит, дышу словно загнанная лошадь. Руки трясутся, и я никак не могу вставить ключ в замок. Дверь открывается сама. На пороге бабуля:

– Ты чего скребешься, как кошка?

Я пытаюсь унять волнение, чтобы не разволновать и бабушку. Но она замечает, что со мной что-то не так.

– Так, ты какая-то бешеная, что случилось?

– Все хорошо, бабуль, – целую ее в щеку, скидываю туфли и проскальзываю в свою комнату.

Я закрываю дверь, облакачиваюсь на нее спиной, будто за мной кто-то гонится и сейчас будет ломиться в дверь. Дыхание понемногу успокаивается, и я сползаю по двери на пол.

– Боже, что вообще происходит? – спрашиваю я себя.

Тут же, словно отвечая на свой вопрос, я достаю из сумочки телефон и трясущимися пальцами набираю 112:

– Оператор экстренной службы 112. Что у вас случилось? – слышу я.

«Что я скажу? На меня напали и подарили ожерелье. Только я не знаю, кто это?», – проносится мысль, и я отбиваю звонок.

«Что мне делать? Что же мне делать?», – бормочу я под нос и чувствую, что мой спокойный до этого дня мир осыпается у меня под ногами, а никакого нового мира взамен реальность мне пока не предлагает.

– Аня, – зовет меня бабуля из кухни.

Кухня – место наших посиделок, горячего утреннего кофе и вечернего травяного чая, запахов еды и уюта, света лампы под абажуром. Наверное, это то самое, что мне сейчас нужно, что-то уютное и постоянное. Я вздыхаю, пытаюсь успокоить сердце, и иду на кухню.

На столе уже дымятся кружки с чаем, бабуля испекла печенье с брусникой, это самый терапевтичный аромат на свете. Она посыпает сахарной пудрой еще теплые печенюшки, я сажусь за стол, обнимаю пальцами кружку.

Меня отпускает.

– Ты будешь ходить к психотерапевту, я тебя записала на завтра.

Вот если что и есть постоянно у моей бабули, то это ее непредсказуемость. Я открыла рот, и бабуля с улыбочкой – морщинки – солнечные лучики – сунула мне в рот печенье. Вкусно. А новость так себе.

– Это еще зачем? Я не пойду, – говорю я, прожевав печенье.

– Видишь ли, я сходила к нотариусу, оформила завешание, в условии завешания – справка от психотерапевта, к которому ты сходишь. Десять сессий.

– Да нечему ему будет во мне лечить десять сессий, – возмущаюсь я.

– Дмитрий Константинович Горин – лучший, он найдет, что вылечить. Ты ешь, ешь печенье, пока горячее, я бруснички не пожалела, ты ж любишь с кислинкой.

– Бабуль, а если он не найдет, что во мне лечить? – уточняю я.

– Ну если не найдет, пусть справку напишет, что не нашел, делов то, – хитро улыбается бабуля.

Глава 5. Наблюдение

Лучше всего на Москву смотреть с высоты. Я вообще на все люблю смотреть с высоты. На людей, и на место, в котором они обитают, копошатся, словно мухи в паутине своих запутанных жизней.

С высоты Москва выглядит словно на фотографии, сделанной через объектив «тилт шифт» – будто ненастоящая – игрушечная и кажется, что от одного ее конца до другого рукой подать, но люблю этот ракурс еще и потому, что с высоты не видно людей. Люди однотипны и скучны, их проблемы однообразны и легко решаемы.

Чистая энергия города. Город сам по себе, город, растворивший свое население в шуме машин, полумраке метро, в тених домов, во дворах, под арками, под крышами, под козырьками подъездов.

Где я только в Москве не жил, пока не нашел свое место. И в лабиринтах Арбатских переулков, и на тех улицах старой Москвы, где из-за исторической малоэтажной застройки небо кажется ближе, а во дворах тишина стоит такая, что и не верится будто в городе, где ничто и никогда не останавливается, в городе, который никогда не спит, может быть место, где можно услышать, как бьется собственное сердце. И только когда забрался на самую верхотуру башни Федерация в Москва-Сити и обосновался здесь, я почувствовал, что на-

конец нашел свое место.

Ощущение было такое, будто я преодолел земное притяжение. И каждый раз, когда поднимаюсь на свой этаж, Москва проваливается вниз и рассыпается на разноцветные игрушечные кубики, пирамиды и трапеции. Проспекты, шоссе и улицы превращаются в живые пестрые ленты, по которым текут автомобильные потоки – кровь города. И где-то в самом центре, бьется древнее красное сердце Москвы с ритмом часов Спасской башни.

Отсюда мне хорошо видно белоснежный дом правительства на изгибе Москва реки, на другом берегу одну из семи монументальных сталинских высоток. Как по мне, самую прекрасную из «семи сестер», как называют эти шедевры советского ар-деко в путеводителях для иностранцев – гостиницу Украина. Чуть поодаль еще две «сестры»: слева – жилое здание на Кудринской площади, справа – Министерство иностранных дел.

Иногда, отсюда с высоты город мне кажется беззащитным. Как говорят – лежит словно на ладони, так вот мне представляется, что есть и другая ладонь, которая может весь этот город прихлопнуть одним разом.

На столе оживает мобильный. Елизавета Павловна – определяется номер.

– Здравствуйте, Елизавета Павловна, – отвечаю я на звонок.

– Здравствуй, Димочка, – скрипит она старческим голо-

сом. – Аня пришла?

– С минуты на минуту, снизу уже оповестили. Поднимается.

– Это хорошо. Я очень тебя прошу, как для себя прошу, сделай все как ты умеешь.

– Не беспокойтесь, Елизавета Павловна, все будет хорошо.

Она отбивает звонок, а у меня по спине пробегают мурашки от этой старушки. «Мурашки от старушки, – ухмыляюсь я собственной мысли, – звучит двусмысленно».

Елизавета Павловна Калинина не из тех людей, которым отказывают. А то, что она называет меня «Димочкой» говорит только о том, что это как раз тот случай, когда никакие возражения не принимаются. Тем самым она обезоруживает, показывая, что в данном конкретном случае, ее не интересуют ни личные границы, ни регалии, ни звания, ни занятость – вообще ничего.

Если остались в мире еще титаны тех времен, когда деревья были выше, солнце ярче, а человек укрощал атом и только-только начинал покорять космос, так вот Елизавета Павловна Калинина как раз из тех титанов.

Я уже и не вспомню, сколько ей лет. Под сотню точно. Могучая старушка, одним словом, хотя по внешнему виду и не скажешь.

Неделю назад, когда она позвонила и попросила принять ее внучку, я было пытался соскочить:

– Почему я? – спросил я в тот раз.

– Потому что ты лучший, Димочка, разве не очевидно? Анечка у меня девочка непростая, у нее, видите ли, философия, сам увидишь, и, если кто-то способен поправить ей головушку, так только ты.

– Вы знаете мои методы. Может получится так, что головушка настолько поправится, что это будет уже не совсем ваша Анечка.

– Знаю я все. Ты, главное, дело свой делай. Это все, что мне от тебя нужно.

Она вкратце обрисовала проблему и, чтобы эту проблему немного изучить, мне пришлось отправиться в закрытый для простых смертных ночной клуб, где проблема Анны Калининой предстала обнаженной и во всей красе. И это не фигура речи, а буквальное описание.

Не сказать, что я любитель, даже вернее будет сказать – совсем не любитель стриптиза, но всего повидал достаточно, чтобы поразиться ее искусству. Другого слова не подобрать.

Зрители ждали ее появления, как ждут вдохновения, откровения или звезды такой величины, что от ее сияния можно обжечься. Это был не стриптиз, не пресловутый пол дэнс – это вообще был не танец. Больше похоже на погружение в транс. Я поймал себя на мысли, что смотрю на что-то сродни чуду и впервые за всю жизнь почувствовал возбуждение не телом, а всем собой, словно внутрь меня кто-то залил канистру бензина и чиркнул спичкой.

Ощущение не только удивительное, но и неприятное. Я не люблю, когда что-то пытается захватить все мое внимание. Таким образом можно потерять контроль, а контроль – это моя высота, с которой я смотрю на людей.

Публика после ее танца пребывала в нокауте. И я их всех понимал. На нее с одинаковым восхищением смотрели и мужчины, и женщины.

Мужчины с той степенью вожделения, когда у них мутит-ся рассудок, и они становятся способны на самые безумные поступки, только бы получить желаемое. Женщины с той завистью, но одновременно и с тем восторгом, как придворные дамы смотрят на свою императрицу, когда она в расцвете сил, красоты и молодости восходит на престол.

Совершенное тело. Длинные стройные, словно вылепленные скульптором ноги, резко очерченный переход от тонкой талии к округлым бедрам, тяжелая высокая грудь, волна блестящих русых волос и карие глаза, которые кажутся практически черными, когда зрачки расширяются во всю радужку.

И во всем этом великолепии бурлит такая энергия, что, казалось, от нее можно заряжать аккумулятор, а в воздухе от каждого ее движения трещит статическое электричество.

Мне нужно было заглянуть в эти темные глаза, чтобы окончательно понять – действительно в ней есть тот изъян, который я разглядел, глядя на ее выступление, или это иллюзия.

Я встал с той стороны сцены, где лестница, по которой

она спустится, когда закончит. Но желающих перехватить ее оказалось слишком много. Ей тут же обеспечили коридор несколько плечистых парней из местной охраны, но я успел едва коснуться ее руки, когда она спускалась, чтобы онаглянула мне в глаза. Да, я все подметил верно и окончательно убедился в своих предположениях.

Я не опасался быть узнанным, в том смысле, что она узнает в своем психотерапевте, когда придет на прием, посетителя ночного клуба. Именно в тот момент, когда она посмотрела на меня, я закрыл ладонью лицо от глаз до подбородка. Свет от прожекторов был направлен на нее, оставляя меня во полумраке.

И теперь я жду, когда этот занятный экземпляр, и тем больше занятный, что это внучка Елизаветы Павловны Калининой, придет ко мне на прием.

Раздается звонок в дверь. Я открываю. Аня застывает на пороге, удивленно оглядывая мои апартаменты. И мне понятно ее удивление. Я сам каждый раз, когда сюда вхожу, на мгновение замираю, глядя на панорамную стеклянную стену, за которой открывается вид на столицу с высоты птичьего полета. А я в этот момент понимаю, что это будет очень интересная и увлекательная работа. Такая работа, ради которой вообще стоит заниматься тем, чем я занимаюсь.

Глава 6. Сеанс

– Здравствуйте, Анна, проходите.

Она тут же идет к панорамной стене, нисколько не смущаясь, словно меня здесь вообще нет. Кладет руки на стекло и замороженно смотрит вниз.

Удивительно насколько она похожа на ту себя, что я видел в клубе и вместе с тем непохожа совершенно. На ней простое бежевое платье до колен с летящей юбкой и неглубоким вырезом. На ногах бежевые балетки. Но я засмотрелся на ее цепочку.

Из матированного белого золота с драгоценными камнями. Очень дорогая вещица у внучки Елизаветы Павловны. Аня выглядела просто, открыто и нежно. В клубе на шесте в ней была безудержность чувств, опьянение свободой тела, сейчас она казалось легкой, летней. Это подкупало. Она все еще стояла у окна.

– Присаживайтесь, начнем, – пытаюсь я отвлечь ее от созерцания.

– Было бы что начинать, – она даже не поворачивается и продолжает стоять у стекла.

– Думаете, нам не о чем будет поговорить?

– Насколько я знаю, психотерапевт больше слушает, чем говорит, если вообще говорит.

– Не в моем случае. Я говорю много, спрашиваю о многом,

я убеждаю, я спорю, я давлю, а если потребуется ломаю.

– А вы точно психотерапевт? – поворачивается наконец ко мне.

– Точнее некуда. Присаживайтесь.

Она проходит, опускается в кресло, я сажусь в кресло напротив.

– Анна... – начинаю я, но она останавливает меня плавным жестом. Все в ней плавное: линии тела, вдумчивый взгляд, жесты. Она просит:

– Аня, – и добавляет с улыбкой в глазах, – пожалуйста.

– Хорошо, Аня.

Она незаметно улыбается и опускает глаза. Празднует свою маленькую победу в игре с психотерапевтом. Аня так Аня. Мне не жалко.

Я думаю о том, с чего бы мне начать, не хочется привычного захода «Что вас привело ко мне?». Её ко мне назначили, то есть приход её не добровольный, что осложняет задачу, но для меня не существует нерешаемых психологических задач. Тем интереснее.

– Что бы сказал о вас человек, который знает вас ближе прочих? – спрашиваю я, попутно выискивая в ее движениях, мимике следы беспокойства.

– А что вы называете близостью? – снисходительно улыбается Аня, типа глупый психотерапевт задает глупые вопросы, ведь она все уже знает заранее и все ей кажется игрой.

– Неважно, что я называю. Каждый живет в рамках сво-

их убеждений. И раз это вы – клиент, то нам обоим важнее узнать, что у вас за убеждения. Так что вы бы назвали близостью? – парирую я.

Глаза Ани вспыхивают, ей понравилось. Умная, солнечная девочка, я невольно поддаюсь очарованию открытости. Долго над моим вопросом она не думает, видно, что тема для нее не пустая, она долго над ней размышляла ранее. Поэтому говорит почти сразу:

– Вот если человек лжет сам себе. Знаете, так бывает, говорит человек, что любит тебя и будет беречь, но что-то в его жизни происходит, и это что-то меняет человека. И он становится другим, и его любовь оказывается ложью. Или еще такое может быть, ты вот общался с человеком, доверял, был близким, а вдруг ты делаешь нечто, абсолютно нейтральное, например, переходишь в другую школу или получаешь диплом, и человека годами с тобой дружившего вдруг разрывает на злость, и на тебя летит вся гниль его души. Вот эти люди не были искренними с собой, они лгали, и их любовь и дружба, их близость – не была близостью, а была ложью. О какой близости может идти речь, если люди не знают сами себя, лгут себе. Понимаете?

«Я-то понимаю, – думаю я, – твои заблуждения, продиктованные болью утраты и разочарования. Кто-то близкий тебе, кому ты доверяла, так огорчил тебя, что ты теперь отрицаешь близость. В качестве нормализации психики людям нужна иллюзия и вера в близость. Даже если я сам точно

также, как и ты, не верю в нее». Вслух я говорю нечто совершенно иное.

– Это для вас проблема? Будем ее решать?

Улыбается открыто, в глазах ни боли, ни обиды на свое прошлое. Мотает головой, русые пряди ложатся на высокую грудь.

– Это не проблема, не стоит внимания.

Не верю.

Но в ее голосе ни отзвуков прошлой боли, ни разочарования. Легкая, победившая свою грусть и обиду. Редко кто так умеет. И если честно, я ею восхищаюсь. Нашла в стриптизе отдушину, обнаружила точку роста, и вместо того, чтобы ныть и жаловаться, светится, сияет людям. Вот надо ли ее лечить?

Вопрос риторический. У меня обязательство перед ее милой бабулей – Елизаветой Павловной. Я знаю, чего хочет Елизавета Павловна, она не верит в целебную силу стриптиза, ха, я бы еще вчера тоже не поверил. Но мне несложно ломать людей в нужном направлении.

Аня сидит передо мной, закинув ногу на ногу. На приеме психотерапевта людям поначалу неловко. Им задают слишком личные вопросы, их заставляют думать над вещами, над которыми думать раньше не приходилось, их заставляют смотреть на свою жизнь с иного ракурса, нежели из ограниченного собственного.

Они сидят в кресле, усиленно изображая невозмутимость.

А микротрещины уже ползут по их телу, обнажая страхи и неуверенность. Скрестила на мгновение пальцы, спрятала взгляд, затрепетали ресницы – невозмутимость, словно занавес на сцене уносится ввысь, и начинается представление души.

Но не у нее. Никаких микротрещин. Никакого занавеса. Она обнажена душевно – простая и ясная, как божий день. И это любопытно. Даже очень. Я привык к душевным изъясам, а не душевному сиянию. Даже не верится, что это настоящее.

Люди все-таки существа с затаенными чувствами, в которых не признаются самим себе, в темноте их незнания самих себя рождаются чудовища – похоть, зависть, агрессия, предательства. Я не верю в таких вот светлых девочек. Хотя нельзя не отметить, насколько притягательна эта кажущаяся простота.

Аня изучает меня, ей интересно, я к этому тоже не привык. Люди дико сосредоточены на себе, а уж психотерапевт и подавно для них не более, чем аппарат по приему их слез. Для Ани я – человек. Она внезапно прерывает молчание.

– Если вам нужно поискать во мне проблемы, то вот одна из них. Я не испытываю удовольствия с мужчиной в постели. Без мужчин – да, а с ними нет. Я не расслабляюсь. Пойдет эта проблема для того, чтобы мы поговорили о чем-то, что вам надо решить?

– Надо вам, а не мне, – отвечаю я со смехом.

Вот так новость, я этого не ожидал. Надо же, не испытыва-

ет желания. Что ж, природа в ее случае посмеялась. Лишить чувствительности женщину, которая каждой своей черточкой кричит о сексе. Откровенно чувственная.

Полные губы, которые она прикусывает, когда раздумывает, стоит ли ей говорить и что именно. Темный, с поволокой взгляд карих глаз. И длинные до крутых бедер русые волосы. Но дело даже не во внешности. Внешность сегодня себе наваяет кто угодно, и губы, и все что ниже.

Я приглядываюсь к ней, пытаюсь понять, в чем же дело. И отмечаю расслабленную позу, будто она в полном безоговорочном согласии с собой. Искренние вспышки эмоций, и то, как легко она говорит о том, что казалось, должно ее беспокоить. Да, вот оно, она не зажата. Нигде. Никак. Она будто лишена границ. От нее можно ждать чего угодно.

Люди зажаты, люди очень жестко следуют внутренним установкам, они будто мчатся по рельсам своего характера, ни вправо, ни влево. Она же едет на вездеходе. Она обещает неизведанное. Как я и думал. Не ошибся.

– Наедине с собой вы испытываете желание? – уточняю я.
– Мастурбируете? Сексуальные фантазии посещают?

– Наедине да, и все остальное, что вы сказали, а с мужчиной – совсем ничего. Будто тело покрывается панцирем.

Говорит о проблеме, но такое чувство, что ей все равно, о чем говорить. Выдумала, что ли? Нет, нет признаков, что это ложь. Она подтверждает:

– Я не лгу. Никогда не лгу.

И смотрит прямо в глаза, распахивается до дна, искренняя, откровенная, обнаженная.

Пробирает. Притягивает. А я не ведушь на подобное, никаких сюрпризов женщина мне предоставить не может, а без сюрпризов скучно. Но я бы прямо сейчас. Подошел бы к ее креслу, расстегнул бы брюки...

Мне становится не по себе от этой мысли и от того, какие образы мне подкидывает мое сознание. Это непривычно, более того – такого не было никогда.

Глава 7. Вскочить душу

В ее глазах мелькает испуг. Уловила мое настроение. Чуткая. Но тут же собирается и говорит:

– Мне придется сменить психотерапевта, сексуальные отношения с мозгоправом меня не интересуют. Я здесь по другому вопросу.

Ну что ж, переходим к более откровенной фазе наших отношений.

– С чего вы взяли, что между нами вообще могут возникнуть сексуальные отношения? – спрашиваю я.

– Я вижу, как вы на меня смотрите, слишком много таких мужских взглядов я ловлю на себе чуть ли не каждую ночь.

– Что ж, в наблюдательности вам не откажешь, но вы неверно интерпретируете то, что видите.

– И что же я вижу? – она скрещивает руки на груди.

«Зря защищаешься, на тебя пока никто не нападает», – думаю я, отмечая движение ее рук, а сам веду взглядом по ее ногам, останавливаясь на обнаженном колене и выше к бедру, открывающееся под чуть задранным платьем.

– Только реакцию моего тела. Реакцию здорового организма на красивую женщину, но не более. Поверьте, Анна, прошу прощения, Аня, секс с вами мне не интересен. И дело здесь не только во врачебной этике.

Она удивленно поднимает бровь. Вряд ли кто-то из муж-

чин ей когда-нибудь говорил, что не хочет с ней секса.

– А в чем же тогда?

– Во мне самом, конечно. Мое тело может отреагировать на красивую женщину и отреагирует наверняка, но этого мало. Более того – скучно, неинтересно, банально.

Смотрю на ее грудь. Бюстгалтера на ней нет. Я не пытаюсь смотреть украдкой, чтобы она не заметила. Это выглядело бы по-идиотски. Особенно, учитывая, что она мгновенно прочитала мое, странное даже для меня, настроение.

Она не смущается под моим взглядом. Еще бы она смущалась. Она предстает обнаженной перед сотней пар глаз, чуть ли не каждую ночь. Не пытается сменить позу или закрыться, хотя бы бессознательно. Вся на виду, даже сейчас, не в клубном полумраке, а здесь на свету, когда нельзя укрыться в тених и бликах. Аня не закрывается, не срабатывают психологические защиты, наоборот, ей интересно.

– И что вам нужно, чтобы стало интересно и небанально? – в вопросе чувствуется неподдельный интерес.

«О, да тебя зацепило, Анечка», – думаю я.

– Не думаю, что вы пришли сюда, чтобы поговорить обо мне.

– Я сюда вообще не по своей воле пришла.

Снова смотрю на ее ноги. Больше всего мне сейчас хочется, чтобы она убрала одну ногу с другой и... сбрасываю с себя это наваждение.

– И все же. Давайте лучше все-таки о вас. Тем более, как

мне кажется, здесь все очевидно.

– Даже так? – я вижу, что ей неприятно это слышать. Ей, как, впрочем, и любому человеку хочется быть особой, сложной, непостижимой. Но не моя задача – поддерживать чужие маски, моя задача – их ломать.

Для себя я уже все решил. Я и не собираюсь делать ей приятно. Это будет наш первый и последний сеанс. Мне еще предстоит разобраться, что происходит во мне, и почему она производит на меня такое впечатление, что даже мой подготовленный разум выдает такие интересные коленца. Я не собираюсь терять контроль из-за девчонки.

Мне нужно напоследок всковырнуть коросту, которую она на себя нарастила, чтобы из-под коросты потекла ее живая кровь. Поэтому я режу наживую, пренебрегая этикой.

– Безусловно. Вы говорите о близости, о свободе, говорите так легко, будто уже обрели эту пресловутую свободу, словно и правда знаете, что такое близость. Вам кажется, что вы открыты и откровенны, но это всего лишь побочный эффект вашего предыдущего опыта. Вы обретете новый опыт, с вами что-то произойдет, и изменится ваш подход к жизни, к людям, к миру. Вы уверены, что не станете иной? Станете, еще как станете. А значит, вся вы сегодняшняя – ложь. Вы лжете себе. Вы себя не знаете, вы не извели и половину самой себя. Вы не знаете своей темной стороны, не достигли дна.

Аня встает с кресла. Я поднимаюсь следом.

– Интересно, конечно, здесь у вас, но не более, – направ-

ляется к выходу. — И теория у вас интересная, — она останавливается у двери и оборачивается.

В глазах растерянность. Значит, я попал по больному месту. Это я умею мастерски делать, в десяточку.

— Рад, что вам понравилось.

— О! Понравилось — это слишком сильно сказано. Скорее наоборот. Пока вы изучали меня, я изучала вас. Вы не способны на искренность, вы ее боитесь, вы покрыты непроницаемой броней, словно вы — консервная банка. При этом вы уверены, что можете управлять другими из своей консервы. Живыми, которые не боятся идти в самую сердцевину жизни и жить в полную силу своих чувств. Но именно эта ваша позиция, которая только кажется вам силой, и есть ваша слабость.

Она говорит слегка задыхаясь. Полные губы полураскрыты, жилка на шее часто бьется, грудь вздымается. Меня снова подхлестывает внезапное желание и злость. Вскрыла. Что за черт!

А я ловлю себя на мысли, что мне хочется схватить ее за шею и слегка придушить. Совсем немного, чтобы сбить эту спесь. Она слегка улыбается уголком губ. Ощущение такой, что она прочитала сейчас эту мысль.

Пошло оно все.

Она резко оборачивается, закидывая волну светло-русых волос за спину. Я невольно прикрываю глаза, вдыхая ее легкий пьянящий запах и открываю перед ней дверь, чувствуя,

как от одного этого запаха внизу у меня все напрягается.

Как только она уходит я беру телефон и набираю Елизавету Павловне. Выводы у меня очень просты. Я не могу продолжать сеансы, это может плохо закончиться для моей практики. Вряд ли у нас с ней получится держать дистанцию врач – пациент. А это табу.

– Елизавета Павловна, я по поводу Ани, – говорю я, когда она отвечает на звонок.

– Только не говори, что она не пришла.

– Нет, пришла, все в порядке, но я боюсь, что дальнейшие сеансы невозможны.

– Почему?

– Есть причины.

– Димочка, я же не просто так тебя попросила, да?

«Черт! Опять «Димочка», Калинина включила режим подавления», – успеваю подумать прежде, чем она продолжила:

– Ты мне должен, Димочка, а это, что-то да значит. Десять сеансов, и мы в расчете. Ты же не хочешь оставаться у меня в долгу, правда?

– Я понял.

– Вот и славненько.

Елизавета Павловна отбивает звонок, и я понимаю, что выхода у меня нет. Придется продолжать.

Глава 8. Кто кого преследует

С самого утра прежде, чем отправиться в школу танцев, где я преподаю танцы на пилоне для женщин от сорока лет, я иду в отделение полиции.

Я собираюсь написать заявление о преследовании и угрозах. С этими шутками пора заканчивать тем более, что происходящее шуткой мне уже не кажется. Поход к психотерапевту меня дико разозлил. Я уже второй раз подряд на неделе слышу недоверие: «А ты точно такая какая ты есть? Не лжешь ли ты себе?» – меня аж подкидывает от бешенства на этот идиотский вопрос. Вы все лжецы, не вам меня судить, – хочется мне орать посреди улицы.

Но что меня сильнее всего злит, так это то, что, да, я хочу узнать себя глубже. Хочу узнать, а не лгу ли я сама себе, как все вокруг считают? Нет, этим сомнениям я не дам хода. Поэтому я тут, в отделении полиции.

Пока жду приема, слышу разговор. Говорят о том самом клубе, в котором я вчера кастинг проходила, забыла название, но адрес тот самый.

– Закрыли его, владельцев уже забрали, подозрения на наркотики, торговлю людьми.

– А как так-то?

– Да сдал его некий аноним со всеми потрохами. Такое о них выдал, что просто бери горяченькими. Ну и взяли. Орал,

да он, да крутой, да вы попали. Но там уже с концами сядет. Чудеса какие-то.

И правда, чудеса, не то чтобы я радовалась чужим бедам, но в том клубе дерьмом ментальным пахло, так что неудивительно. Странно, что будто бы следом за мной кто шел и решил наказать ублюдков за поднятую руку. Но это бред, конечно.

Меня позвали к участковому.

Немолодой грузный майор полиции смотрит на меня оценивающе и с недоверием. Я старалась одеться так, чтобы выглядеть как можно скромнее – на мне длинное светлое платье с воротником-стойкой, но кажется это не особо помогло. Он хмыкает и показывает мне на стул рядом со своим рабочим столом.

– Рассказывайте, что у вас случилось? – спрашивает он с таким видом, словно бесконечно устал от всего происходящего.

– Меня преследуют, я получаю угрозы.

– Давайте подробнее: кто, когда, где и какого планы угрозы.

Я подробно рассказываю, что со мной случилось за последние дни, но вижу на его лице только ухмылку, будто он не верит ни единому моему слову. Умолчала я только о подаренном ожерелье. Почему-то мне казалось, что это точно лишнее и скорее выставит меня в неправильном свете.

– Вам нанесли какие-то травмы? Изнасиловали? Он тро-

гал вас или принуждал что-то делать?

– Нет.

– А кем вы трудитесь, Анна.

И здесь я поначалу осекаюсь, но решаю все-таки сказать правду.

– Танцовщица.

– Интересно. Что за танцы, где танцуете?

Я рассказываю ему все как есть, стараясь делать упор на том, что это не стриптиз в прямом понимании. Но он меня уже не слушает и только кривится. Все ему, как мне видится, становится ясно, и картина окончательно складывается.

– Слушайте, ну, а что вы хотели? С вашей-то профессии чему удивляться? Сами идете на такое потом жалуетесь. Может, это один из ваших клиентов.

– У меня нет клиентов, я не оказываю никаких услуг, – отвечаю я ему.

– Да, конечно, – он смотрит на меня с презрением и даже с нескрываемой брезгливостью. – Тем более, если уж на то пошло, состава преступления я не вижу. Травм у вас никаких нет, или может вы хотите пройти экспертизу?

– Нет, – бросаю я и поднимаюсь с места.

– Заявление писать будете?

– Наверное, имеет смысл только когда меня убьют или похитят, к этому вы ведете? С того света, видимо, заявление писать надо, чтобы наверняка.

– Ну, зачем вы так, Анна?

– А если изнасилуют, можно и не обращаться к вам? Я же танцовщица, сама виновата, спровоцировала, так?

Выхожу я из отделения будто оплеванная. Я буквально чувствую себя грязной, хочется помыться.

Есть люди, которые чувствуют то, как ты вскрываешь им душу через их ожидания, убеждения, настроения. А есть люди, которые судят лишь по верхам. Таких большинство. Никто не стремится заглянуть в душу. Даже если сложная ситуация, даже если между вами непонимание, в душу не заглядывают, сразу по верхам. И никто не спрашивает, как ты сам интерпретируешь свои действия, свои поступки, они просто сами интерпретируют тебя, исходя из своего скудного опыта.

Неприятно, я передернула плечами, неприятно, когда на тебя накладывают какое-то свое объяснение. Причем оно мерзкое, тупое, и теперь будто я сама мерзкая и тупая. Брр.

Меня внезапно поразила простая мысль. У меня есть психотерапевт, он хоть и с придурью, но он спрашивает обо мне, ему не интересна ЕГО интерпретация, он хочет знать, что я сама о себе думаю. Хм, это может быть интересно, если бы я согласилась ходить к нему дальше.

Спускаюсь в подземный переход, чтобы выйти на другой стороне Нового Арбата и дальше переулками пройти на Старый Арбат. Здесь прохладно, полумрак, я вижу толпу народа, застывшего будто в ожидании. И в тот момент, когда я пытаюсь протиснуться между людьми, начинает играть скрипка. Я замираю на месте, понимая, чего они здесь все

толпятся. Это звучит так, будто смычок ходит по моей душе.

Встаю на цыпочки, чтобы разглядеть музыкант – это девушка. Она играет на скрипке, закрыв глаза.

Я тоже закрываю глаза и улетаю туда, куда ведет музыка девушки. Я представляю, как я могла бы станцевать под эту музыку. Только под одну одинокую скрипку. Я не узнаю мелодии. Это не классика и не что-то из современного. Но важнее другое. Музыка собирает меня заново. Мой мысленный танец, эта скрипка возвращают мне цельность – не надо размышлять, сердце летит, и все абсолютно честно и ясно.

Музыка заканчивается. Я протискиваюсь вперед, кладу в коробку купюру для музыканта и вижу табличку с номером банковской карты и QR-код. Быстренько навожу камеру на код, перехожу по ссылке и сохраняю ее в избранное.

Времени изучать, что там по ссылке нет, я уже опаздываю, но надеюсь, что позже я узнаю, что за мелодию играла эта девушка. Потому что эта мелодия словно обещает мне что-то неведомое, она похожа на Тень, на его запах, на опасность, на риск.

Глава 9. Когда семья это те, кто с тобой заодно

Меня настолько поразила эта мелодия, что из головы выветривается и отделение полиции, и неприятный майор. Арбатскими переулками я добираюсь до студии, где меня уже ждут мои милые женщины-ученицы. Я преподаю стрип-пластику и полдэнс женщинам за сорок. Вижу двух новеньких, улыбаюсь им.

Я быстренько переодеваюсь, и мы начинаем разминку. Люблю эти занятия. Денег мне здесь платят не особо много, но это больше для души, чем для денег.

– Ну что, девчонки, давайте раскачаем этот мир, – говорю я и включаю зажигательную композицию.

«Девчонки» хихикают и становятся на позиции. Глаза зажигаются, плечи расправляются, усталость от жизни как рукой снимает. Я поднимаю палец вверх. Новеньким я предлагаю встать за теми, кто хорошо усвоил программу, чтобы легче было ориентироваться. Поехали!

Разминка закончена, я включаю медляк, задерживаю шторы, на нас опускается полумрак. Перед зеркалами женщины плавно двигают телами, наполняясь внутренним эротизмом, взгляды становятся томными, замедляется ритм. Мы идем темпу города вопреки. Мы обретаем волю и личный темп.

Мне нравится, когда ко мне приходят немного уставшие от жизни, от повседневных забот женщины и раскрываются здесь. Эти женщины, из-за кого-то или чего-то утратившие веру в себя, в свою притягательность – может, они поверили отфотошопленным фоткам в соцсетях, может мужчины постарались, – у меня здесь себя обретают. Мы не ищем способа возбуждать мужчин. Каждая из нас стремится возбудить саму себя собой, отыскать в себе угасшее желание

– Ну ты нас сегодня размяла, – смеется одна полная ученица лет за пятьдесят. – чувствую, что стала легче кило эдак на сто, как растекусь по пилону соплей, не ототрешь.

Гогочут.

Следующая часть – пилоны. Каждая занимает свое место, сегодня у нас довольно сложный элемент. Поэтому показав, как его исполнять, иду к новичкам, чтобы научить азам.

Здесь наш с ними маленький мир, где царит изящество, красота и взаимопонимание. Занятия закончатся, и кто-то из них отправится домой к детям, кто-то побежит на работу, кто-то сядет в свою дорожную машину, приедет в офис собственной компании и до самого вечера придется быть сильнее, чем многим из мужчин.

Но с собой из этой студии они унесут ту часть самих себя, которая спала в них до того, как они сюда пришли, и эта их часть уже не уснет. Это тоже свобода.

Они меня обнимают.

Мы здесь почти как семья. По крайней мере я так себя

чувствую. У меня настоящей семьи толком и не было. С шести лет я живу с бабулей. Конечно, она для меня даже больше, чем просто семья. Она все, что у меня есть. Мой самый родной человек. Но все же.

Так как бабуля, меня любил только отец. Удивительно, но я хорошо его помню, хоть он и погиб, когда мне было шесть. А вот мать, которая вышла во второй раз и до сих пор жива, как-то стерлась из моей памяти. Не то чтобы я ее забыла, нет, просто ничего хорошего я о ней вспомнить не могу. Зато хорошо помню ее тумаки, хорошо отложилось отношение отчима в памяти, который тоже не раз поднимал на меня руку.

Они не отдавали меня бабуле, та забрала меня сама. Ей мало кто может перечить, да вообще вряд ли кто-то может перечить моей бабуле. Она меня и вырастила.

Наверное, меня подсознательно немного тянет к женщинам такого возраста, как мои подопечные. Любая из них могла бы быть моей матерью. И от этих женщин, которые во мне двадцатилетней души не чают, я получаю больше тепла, чем от родной матери. Да, что там, я вообще не помню, чтобы получала от нее тепла.

Каждый раз мое сердце щемит от нежности, потому что есть вещи, которые, если в детстве не поймал от матери, потом уже никогда не доберешь. Навсегда останешься голодным на любовь, на заботу. Как я.

После занятий мы обычно пьем чай, бывает, что и с тортиком. Хотя, казалось бы, тортики должны быть тут запре-

щены. Но во-первых – углеводное окно после интенсивных занятий никто не отменял, и все углеводы сгораю в адском огне метаболизма, а во-вторых – мы собираемся здесь не худеть, а раскрывать в себе то, что нам не дает раскрыть странный и не всегда дружелюбный мир за дверями этой студии.

– Ты наше солнышко, Аня, мы от тебя заряжаемся жизнью и радостью, – говорят они мне и сами светятся.

А вот психотерапевт в мое солнышко не поверил, дурак, кто вообще так терапию ведет. У меня темное дно, ага, в башке у тебя дно, Дима.

Глава 10. Правильный мальчик

Занятия заканчиваются, и я выхожу из студии, как всегда это бывает, в приподнятом настроении.

Обратно домой я не спешу. Снова лабиринтами Арбатских переулков я выхожу на Старый Арбат. Иду мимо лотков со старыми книгами, останавливаюсь, листаю. Бывает, что покупаю, если попадется что-нибудь интересное. Но это больше не про покупки – это такой мой ритуал, словно город дает – бери, а то давать перестанет. Мое лично выдуманное суеверие.

Старый Арбат место больше туристическое, но все равно мне здесь нравится. Нравится смотреть как работают уличные художники, или читают стихи студенты театральных училищ, нравится слушать уличных музыкантов.

Если ты останавливаешься, перестаешь слышать ритм Москвы, биться вместе с ним заодно, она сминая тебя в тесто. Ты должен серфить этот город, его волну. И я тут, на самом пике. Для кого-то Москва – это шум машин и множества людей, для меня – музыка уличных музыкантов.

Только теперь в моих ушах звучит не только город. Там поселился голос моей тени, моего преследователя. Он будто стал глазами Москвы, она ожила, перестала быть безликой застройкой, она следит за каждым моим шагом.

А еще в голове голос психотерапевта Дмитрия Констан-

тиновича, едкий, разрушающий. От него я не ждала никакой искренности, но он не играл в психолога, он просто был тем, кто он есть. И на меня действует эта откровенность. Она дает чувство близости.

А я не верю близости, но теперь где-то в этом городе есть два чужака, которые... А еще Кирилл. Но Кирилл нормальный. То годами не видела людей, позволяющих себе честность, свободу искренности, то внезапно трое за раз.

Впрочем, от мыслей меня отвлекла музыка. Я пришла на то место, где раньше я подолгу стояла и слушала гитариста Эстаса Тонне, которого знали все, кто любит прогуливаться по Старому Арбату. Я растворялась в его музыке и в чудесном звучании гитары.

Обычно он втыкал за струны на грифе гитары возле колков и поджигал ароматическую палочку – сандал с пачули кажется. И вместе с запахом и музыкой я погружалась чуть ли не в транс.

Но в последнее время он не появляется. Может, стал достаточно знаменит и одного Арбата теперь ему мало, а может, я просто с ним не пересекаюсь, в общем – черт его знает, куда он делся.

Я вижу впереди толпу и слышу сумасшедший ритм лезгинки. Замирает сердце, обожаю. Трое ребят в национальных кавказских костюмах выдают такие коленца, что публика стоит с открытыми ртами. Я вижу, что танцоры профессиональные, подготовленные. Каждое движение выверенно

и отточено.

И вот начинается танец орла и лебедя. Двое отходят, остается один, он делает круг, приглашая кого-нибудь из девушек стать лебедем, и я, уже заведенная музыкой, ни от каких даров города не отказывающаяся, выхожу в круг, радуясь, что на мне сегодня подходящее легкое платье до самых пят с закрытой грудью.

Публика рукоплещет. Я плыву по кругу, это похоже на то, как танцевать русский танец – березка. Главное плавность, чтобы не было видно движения ног, чтобы казалось, будто под ногами не земля, а водная гладь.

Все взгляды устремлены на меня, я блаженствую, я вместе со всеми, мы одно. Но в какой-то момент я чувствую совершенно конкретный взгляд из толпы, и от него у меня замирает сердце и в груди становится холодно. Я буквально всем нутром чувствую этот взгляд и чуть не сбиваюсь с ритма.

Я уже догадываюсь, кто именно на меня смотрит, и сама пытаюсь найти его взглядом, пытаюсь убедиться, что у меня не паранойя.

Я заканчиваю танец и спешу выйти из круга, уже не слыша восторженных аплодисментов как зрителей, так и ребят танцоров.

Теперь мне здесь совсем неудобно. Несмотря на белый день и многолюдность, мне кажется, что я здесь совсем одна, незащищена, и от этого ощущения в ногах появляется все та же беспомощность, слабость.

Словно я во сне пытаюсь убежать от преследователя, но не могу сделать и шага, только смотрю на свои ноги и не понимаю, почему они не двигаются, почему все происходит так медленно, когда мне нужно бежать без оглядки.

Я помню его близость, его искренний тон, его записку – знание обо мне, моих чувствах, он словно тень за моей спиной, и я теперь чувствую ее призрачный холод и темноту.

Я не рискую идти до Нового Арбата переулками. Иду до конца Старого и останавливаюсь у ресторана Прага, представляя, что, если мой преследователь появится, я забегу в ресторан и попрошу помощи у охраны.

Меня трясет мелкой дрожью и несмотря на то, что лето в самом разгаре и печет солнце, чувствую озноб и покрываюсь мурашками, то ли от страха, то ли от предвкушения. Чего только?

Я хватаю телефон и, не отдавая себе отчета, ищу в контактах номер Кирилла. Почему-то сейчас мне кажется, особенно после того, как ко мне отнеслись в отделении полиции, что это единственный человек, рядом с которым я буду в безопасности. Он был чуток.

Пока слушаю длинные гудки, я успеваю передумать. Понимаю, что действую слишком импульсивно. Нужно успокоиться. Сейчас здесь в людном месте, просматривающемся со всех сторон мне точно никто ничего не сделает. А что я скажу Кириллу? Глупость какая-то и действую я глупо.

Телефон вздрогнул в руке, и я вместе с ним. Снимаю труб-

ку.

– Аня, привет, прости, не успел ответить. У тебя что-то случилось?

Голос Кирилла немного успокаивает меня. Только услышав эти слова, я уже чувствую себя не такой уж беззащитной.

– Прости, отвлекла, наверно, – теперь я думаю, как оправдаться за этот звонок.

Уж чего я точно не хочу, так чтобы он думал, будто я им увлеклась и начинаю волочиться. Но Кирилл оказывается куда как более чутким, чем я предполагала.

– Голос у тебя какой-то встревоженный.

– Пустяки.

– Ты где сейчас?

– На Арбате, возле Праги, – отвечаю я и зажмуриваюсь.

«Зачем я это сказала, надо было просто сказать «пока» и все», – думаю я.

– Я тоже недалеко, не уходи, я сейчас буду. Подождешь?

– Хорошо, – отвечаю я и снова зажмуриваюсь.

«Блин! Аня!», – отчитываю я мысленно себя, но тем не менее, где-то в глубине души понимаю, что сейчас нуждаюсь в защите и рада, что Кирилл откликнулся.

– Привет, – он подошел незаметно, и от неожиданности я вздрагиваю.

– Привет, Кирилл, – я немного натянуто, но искренне улыбаюсь.

– Что-то случилось?

Я смотрю на него снизу вверх. Выглядит, конечно, великолепно: светлая рубашка, темно-синие джинсы, коричневые мокасины. От него так и пышет здоровьем и силой.

– Извини, зря тебя дернула, ничего не случилось, перенервничала немного. Что-то в последнее время мне мерещится всякое, – отвечаю я невпопад скороговоркой и понимаю, что такое мое оправдание больше похоже на то, будто я просто хотела его увидеть и теперь жеманничаю.

Кажется, и он так думает. Едва заметно улыбается уголком губ, будто какой-то своей мысли.

– Ну, раз я уже все равно здесь, может, выпьем по чашке кофе?

Я все еще оглядываюсь по сторонам. Мне все еще кажется, что за мной наблюдают. И я напрочь забываю о том, что только что сказал Кирилл.

Он это замечает, но списывает на мою неуверенность:

– Если не хочешь кофе, могу подвезти тебя, куда нужно? – спрашивает Кирилл.

– Не нужно, мне здесь пешком недалеко.

– Тогда провожу, если ты не против.

И я не против. Я уверена, что мой преследователь еще где-то здесь. Я буквально чувствую его нутром. Но в это чувство добавилось какое-то новое ощущение. Настолько мимолетное и странное, что я не успеваю его толком в себе отследить и понять. Но мне почему-то даже хочется, чтобы он по-прежнему сейчас был где-то здесь и наблюдал.

Страх никуда не делся и понять, как одно может уживаться сейчас во мне с другим, совершенно невозможно, мои ощущения дwoятся, и мне впервые приходит на ум озарение – а вдруг я и правда не знаю себя.

«Ты с ума сошла, Аня», – мысленно говорю я себе, а в слух отвечаю Кириллу:

– Я не против.

Глава 11. Неправильные чувства

Мы идем по Новому Арбату и впервые меня радует, что здесь так шумно от проносящихся машин – толком не поговоришь. Говорить мне не хочется. Немного совестно от того, что я Кирилла сейчас использую в качестве телохранителя.

И тем страннее, что если он и вправду был моим телохранителем, то очень бы удивился, что его подопечная не только не против, что ее сейчас преследуют, но даже расстроится, если окажется, наоборот.

Будто тебе пообещали что-то хоть и опасное, но нечто увлекательное, и ты не хочешь и трусишь, но и не увидеть, не попробовать – печально.

А тот факт, что рядом с тобой такой нормальный, «дневной» мужчина, буквально создает в душе контраст ощущений. Потому что я ярче чувствую того, другого «ночного».

Кирилл держится так, словно чувствует, что на мне есть панцирь. Преследователь же сразу пробрался под панцирь, прямо в душу. И именно с Кириллом, живым, дотронься и почувствуешь, я вдруг ощущаю куда мощнее того, его касание, его запах, голос.

По пути я несколько раз оглядываюсь и пытаюсь осмыслить это новое мое ощущение. И когда мы сворачиваем в переулок к моему дому, кажется, нахожу ответ на что это похоже. На мои танцы.

Раздеваясь, в самом начале, когда с меня падают только первые элементы одежды, я всегда как в первый раз тревожусь, почти смущаюсь, что сейчас предстану голой перед жадными глазами публики.

Свобода никогда не дается легко, ее нужно завоевать, я делаю это раз за разом. Поэтому она так пьянит. И каждый раз меня трясет, я боюсь. Но это только мгновение, и вот я распаляюсь, раскрываюсь и вскоре только одного и хочу – чтобы все они смотрели на меня, не отрывая взгляда.

Так и сейчас. Мне страшно, но этот страх уже распаляет меня. Я будто обнажаюсь перед своим невидимым наблюдателем. И обнажаюсь куда откровеннее, чем на сцене. Я такая как есть и мне не прикрыться бликами искусственных огней, полумраком и тенями.

Так, где я обнажаюсь по-настоящему? Не сейчас ли, когда по-настоящему чувствую себя беззащитной.

Я чувствую, как начинает тянуть в низу живота, чувствую, как от одних этих мыслей по телу прокатывается теплая волна истомы. Мне хочется потянуться и выгнуть спинку, будто я кошка. И эта реакция тела пугает меня не меньше, чем мой наблюдатель.

Я никогда такого не испытывала. Даже в руках мужчины не испытывала, а сейчас – здесь среди белого дня в центре города? От одной только мысли!

И Кирилл считает мое состояние. Но интерпретирует его неверно.

– Тебя явно что-то тревожит, не хочешь поделиться, может я могу чем-то помочь? – спрашивает он, когда мы доходим до арки тринадцатого дома, пройдя которую, окажемся у моего дома.

– Все хорошо, – отвечаю я как можно спокойней, чтобы не выдать своего состояния, но сама понимаю, что, наверное, у меня сейчас зрачки как пятаки.

«Боже, он наверное, думает, что я с приветом или – натурально сумасшедшая, – проносится у меня в голове. – Мечусь из стороны в сторону. Выглядит все так, будто я кричу «спасите-помогите», а когда приходят на помощь, уверяю, что спасать меня не нужно и вообще это не я только что звала на помощь, вам все показалось».

Но Кирилл ведет себя очень корректно и как-то чересчур правильно. Я вижу, что я ему нравлюсь. Вижу это в его взгляде. Вижу, что он, вроде как, постоянно находится в свое рода нерешительности, будто, с одной стороны, думает, что со мной можно быть понаглее и понапористее.

И я это понимаю. Так всегда ведут себя мужчины, стоит им узнать, какие танцы я танцую, а уж если они видели мой танец, видели меня голой, бывает, что вообще чувствуют себя в полном праве.

С другой стороны, он не решается, словно боится спугнуть. И это тоже мне понятно. Я прекрасно знаю, что вне сцены я кажусь другой. От этого у мужчин случается когнитивный диссонанс.

Они не могут сопоставить меня танцующую и меня просто живущую эту жизнь. Вот и Кирилл попался в эту ловушку.

Но ведет себя в отличии от большинства как «правильный мальчик». Это подкупает. Только вот все дело в том, что в мире появился человек, который по всей видимости видит меня насквозь и когда я на сцене, и когда я вне её.

У которого никакого диссонанса в восприятии меня нет. Который узнал обо мне что-то такое, почувствовал во мне что-то такое, чего я и сама о себе не знаю.

Это пугает. Это делает меня перед ним беззащитной, но вместе с тем притягивает, как огонь притягивает мотылька.

Я на мгновение прикрываю глаза, проваливаясь в это ощущение, и все мое тело покрывается мурашками, несмотря на летнюю жару. В этом ощущении сейчас больше откровенности, чем когда я обнажаюсь перед сотней пар глаз. «Откровенность, – проносится мысль, – используй повязку».

Я понимаю, что уже с минуту мы стоим с Кириллом перед аркой, а я улетела неведомо куда, молчу, а он, не понимая, что со мной происходит, тоже молчит, будто пытается разгадать, что сейчас происходит в моей голове.

– Прости, я что-то задумалась, – говорю я, хоть и понимаю, что все это выглядит более, чем странно и нелепо. – Я дальше сама, мне здесь два шага.

– Уверена?

– Уверена, – я улыбаюсь как можно мягче, чтобы он не посчитал меня неблагодарной.

– Аня, – останавливает он меня, когда я уже делаю шаг в арку. – Можно попросить тебя об эксклюзиве?

«Только не это, – думаю я, – он что собирается попросить меня станцевать ему? Не порти все Кирилл!».

– На твоё выступление почти невозможно попасть, слей инсайд, когда будет следующее и где?

Я с облегчением выдыхаю.

– Без проблем, я тебе напишу сообщение, пока сама не знаю когда и где.

– Спасибо, – он берет меня за руку и подносит к губам.

При этом смотрит мне в глаза.

Мое тело разбужено, я прикусываю губу, по телу блуждает желание и поцелуй руки лишь разжигает его сильнее. Зрачки Кирилла расширяются, он принял на свой счет, но я не могу и не хочу ничего объяснять. Вырываю руку, ухожу.

Я прохожу через арку, на мгновение задержавшись у того места, где мой наблюдатель, можно сказать «напал» на меня и чувствую, как подрагивают пальцы на руках. Но это не страх. Это что-то такое, о чем я даже думать не хочу и спешу поскорее пройти арку.

Я думаю о том, что только что сказал Кирилл. Все он делает правильно. Держит дистанцию. Каждое движение выверено. Это привлекает. «Правильный мальчик, – думаю я, – слишком правильный мальчик».

Глава 12. Подарок Тени

– Бабуль, я ходила к твоему психу Горину, больше не пойду, – говорю я с утра, пока пью кофе.

– Аня, деточка, у меня новая фишка.

Поднимаю взгляд, бабуля прямо чуть ли не подпрыгивает от радости, придумала что-то. Не к добру. Изобретательность Елизаветы Павловны всем известна. И бабуля меня не разочаровывает, она заявляет:

– Я скоро умру.

Кофе летит брызгами через стол, бабуля укоризненно качает седой головой.

– Это шутка? – спрашиваю я.

– Что умру? Да точно тебе говорю. Больше того, я тебя сейчас удивлю – ты тоже когда-нибудь умрешь.

– Бабуль! – выпучиваю я на нее глаза. Шутница она еще та, особенно про смерть.

– Нотариус мне заверил завещание, помнишь, я тебе говорила, так что теперь все серьезно. Принесешь справку о прохождении десяти сессий, получишь наследство.

– А было несерьезно? – уточняю я осторожно.

– Ну что за глупости-то? Конечно, было несерьезно, кто ж такую дурость всерьез делает. Вот ты ходила, я посмотрела на результат, он меня впечатлил, и я уж тогда пошла и все задокументировала у юриста.

Я какое-то время смотрю на бабулю. Елизавета Павловна – огонь.

– Чего разглядываешь, мы с тобой одной породы – огненной. А вот мать твоя – в отца ейного, мякина сплошная, бо-лотце. Веселая тебе жизнь предстоит. Моя задача – разжечь тебя как следует, – говорит бабуля. Маму это она зря вспомнила, я мысли о ней не допускаю: родила меня, на том спасибо. Но вообще таких стерилизовать надо. Так, не отвлекаться, а то пропущу, что там бабуля надумала еще.

– Хочу, чтобы ты себя глубже познала, откопала в себе скрытые богатства, потенциал, как сегодня говорят, – закончила свою речь бабуля. И эта туда же. Они что, все сходили на какой-то курс, а теперь меня поучают?

– Тогда позволь мне выбрать другого психотерапевта. Этот мне вообще не нравится.

– Это тоже прописано в завещании, надо чтобы десять сессий было именно у Димочки, точнее у Дмитрия Константиновича Горина, – заявляет бабуля.

– Да почему он? Он полный придурок. Ничего не понимает в психологии человека, – я чуть ли не кричу.

– О, с первой сессии и так тебя зацепил, ну, мастер, – улыбается бабуля. – Слушай, Аня, меня Софья Алексеевна пригласила на чай, мы потом в Третьяковку пойдем, импрессионистов смотреть. С нами хочешь?

– Нет, мне надо передохнуть немного, – говорю я. – Сегодня посижу дома.

– Как знаешь. Пошла губы красить, и адьес, ма шери.

Нет, ну нормально? Сдался мне этот Димочка Горин. Ему самому нужен психотерапевт. Мысль с Горина перескакивает на моего преследователя. Преследователю я решила дать имя – Тень. Моя Тень. Звучит?

Дмитрий Горин сомневается во мне. И меня это бесит. То, что я считаю в себе важным – мою искренность, открытость, он назвал ложью. Будто это всего лишь солнце в глаза светит. Просто он не чуткий.

А Тень, как ни странно, чуткий. Он словно по умолчанию принимает во мне всё. Хотя... Я иду в комнату, достаю из-под белья в шкафу подарок Тени. В его записке такой же вопрос: «Настоящая ли я?»

Они сговорились, что ли.

И все же он верит в меня. Да, меня пугает вся эта таинственность, но он будто вслушивается в мой танец, танец для него важен также, как и для меня. И символизирует то же самое. Меня это вдохновляет. Ведь нечасто встречаешь человека, который точно также чувствует тебя, как ты сама.

Я еще раз перечитываю записку.

«Поиграй со мной. Этот ключ открывает дверь, за которой ты найдешь себя. Тебе нужно поставить три танца, назовем их: откровенность, близость, свобода. Если у тебя получится, я дам тебе адрес, где ты найдешь дверь, которую открывает этот ключ. Для первого танца – откровенность, используй повязку. Иначе никакой откровенности

не получится. Украшение – мой подарок. Оно не настолько красиво, насколько красива ты, но я надеюсь, что тебе понравится. Я не покупаю тебя, и ты можешь от всего отказаться, но я очень не люблю, когда мне отказывают».

Используй повязку. Танец «Откровенность».

Интригует, гад, по полной. И мне интересно. Его игра похожа на детектив, она похожа на квест.

Что бы не говорил мне мой страх, но реальность словно приобрела второй слой, стала многомерной.

Я тяну из коробки повязку, шелк скользит в руках прохладой. Я чувствую запах. Тот самый, от Тени. Он мне нравится – терпкий, еле уловимый, пряный, с горькой ноткой то ли табака, то ли перца. И мне странно это. Запахи зачастую словно инстинкт – дают понять, мой это человек или нет. Запах Тени нравится мне очень. Я прижимаю повязку к лицу и дышу, дышу, дышу, пока голова не кружится.

Затем включаю композицию, которую слышала у уличного музыканта. Я скачала ее заранее со страницы музыканта в сети, ссылка на которую была в QR-коде. Тягучая, томная, полная неги мелодия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.